

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ЧАСТЬ 1

СЕРГЕЙ РОНИН

16+

Сергей Александрович Ронин

Короткие рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67656366

SelfPub; 2022

Аннотация

К счастью, люди никогда не перестанут попадать в нелепые ситуации. Без этого жизнь скучна и неинтересна. Эти несколько коротких рассказов как раз о таких людях.

Сергей Ронин

Короткие рассказы

Никакой романтики!

Хорошо проснуться летом на даче! Проснуться не от городской симфонии автомобильных гудков и криков детворы с площадки, а от свежего сквозняка в окно, ласкового утреннего солнца. Лежишь в кровати и встать не хочется. Комнатка маленькая, кругом тряпье, барахло. От подушек медом пахнет – это дед мой пчеловод ими улья утепляет. За окном куры кудахчут, где-то вдалеке корова мычит.

Полежу еще недолго. Если ухом к стене прислониться – будто скребется чего-то. Мышь, наверное, да и пускай, не жалко. Гляжу удочка в углу пылится. Встаю, подхожу к ней, осматриваю. Всё на месте: леска, крючок, поплавок. Паутину только стряхнуть и хоть сейчас на рыбалку.

Надеваю старенькие, не раз латанные резиновые сапоги и во двор выхожу: червя копать. Набрал с десятка два в консервную банку; прихватил ведро побольше, и в путь.

Дом мой на пригорке стоит. Сверху всю округу видно. Внизу необъятное поле с пшеницей; дальше река, а за ней лес.

Спускаюсь и напрямик через поле к реке выхожу. В траве под ногами кузнечики прыгают, над головой стрекозы жуж-

жат. На том берегу обрывы песчаные. Приглядишься: в них дырочками все усеяно, а оттуда птички крохотные вылетают. Течение в реке сильное, но ничего, клевать лучше будет.

Навстречу рыбак идет. Сразу видно – знаток. Обут в новенькие болотные сапоги; в одной руке спиннинг с катушкой дорогушей; в другой ведро с уловом через край. Почтительно киваю рыбаку, и он мне в ответ. Ну, думаю, тоже наловлю. Чем я хуже?

Вода в реке чистая прозрачная, а рыбы не видать. Наверно притаилась: вон в той заводинке, в тине. Вроде бы плещется там чего-то. Туда иду.

Приминаю траву, червя на крючок, забрасываю. Слежу... Битый час скучаю, не клюет. Приманка наверно паршивенькая. Привередливая рыба пошла: на червя не берет, зараза. Надо бы стоянку поменять, да только куда идти?

А вот и ребята местные: один коротышка конопатый, другой длинный и тощий как стручок гороховый. Сейчас спрошу у них: где местечко получше.

– Привет, молодежь! – махаю им, – где тут у вас клюет хорошо?

Не отвечают, хохочут.

– Чего смеетесь то?

– Нету тут рыбы, давно уже, – наконец отвечает конопатый.

– Куда ж подевалась?

– Переловили всю, – отвечает стручок.

- Сочиняй больше, – ухмыляюсь, вспоминая рыбака, – всю...
- Раньше много было. А как мужики электроудочками ловить начали, то и пропала скоро, – говорит конопатый.
- Запрещено же? – удивляюсь.
- А кому какое дело? – улыбается стручок.
- Чего ж совсем нету? – с тоской спрашиваю, – река то большая. Ахава вашего видал, наловил еле тащил.
- Рыбу в магазине теперь ищите, – рассмеялся конопатый, – мороженую.
- Так он небось с пруда поселкового, – подметил стручок, – путевку там купите и ловите на здоровье, если умеете, – лукаво прищурился он.
- Ну... это за деньги, – отмахиваюсь, – никакой романтики!
- Тогда вниз по течению топайте, до соседней деревни. Километров шесть пилить, – ехидно предлагает конопатый, – там, говорят, еще чего-то плавает.
- Ребята опять в смех и уходят довольные.
- Нет уж, думаю, пропал настрой. Пойду лучше обратно. Сяду на лавочку в саду, на сирень полюбуюсь, птиц послушаю...

Сон в руку

Алексей Алексеевич Коромыслов уже лет как двадцать

работал сторожем в музее военной истории. Охранял экспонаты, напоминающие о тех днях, когда люди, забыв о человечности, истребляли друг друга как дикие звери. Военная форма, ордена, оружие, письма солдат, погибших на полях сражений – все это бережно хранилось на полках музея. Коромыслов работал на совесть – летом его отправили в долгожданный отпуск. Жену с детьми дома оставил, а сам на дачу укатил.

Кругом поля, леса, речушка неподалеку от деревни. Решил Коромыслов искупаться после обеда. Расстелил одеяльце на берегу, окунулся, разлегся; лицо панамкой прикрыл, чтоб не напекло.

Лежит загорает. Рядом смятая рубашка валяется, а из-под нее пробка от коньячной бутылки выглядывает. Возле нее блюдце с нарезанным лимоном, на дольке оса сидит. Людей никого. Тишина. Ветерок пятки щекочет, на душе прекрасно.

Разморило Коромыслова с коньяка, задремал.

Снится ему сон: бравая кавалерия неприятеля атакует, а сам он впереди всех с шашкой наголо несется. Рубит врага налево и направо, только головы летят. Тут пальба начинается и сражает его шальная пуля.

Вдруг просыпается, а вокруг шум, смех, матерщина отборная. Приподнимается и глазам не верит. Солдаты повсюду в французской униформе – Наполеоновских времен. Среди солдат и сам легендарный император важно прохаживает-

ся. Со стороны леса еще отряды подступают и пушки катят.
«Допился до чертей!» – подумал Коромыслов и перекрестился.

С другого берега солдаты реку в брод переходят.

«Наши!» – обрадовался Коромыслов, взглядевшись в их мундиры, а когда увидел Кутузова с повязкой на глазу то совсем успокоился.

Притих Коромыслов и задумчиво наблюдает.

Встретились две армии – не как на поле брани, а как друзья закадычные и уже не различишь, где русский, где француз: разделись солдаты и в речке купаются. Обнялись тогда и Наполеон с Кутузовым, а затем за мир выпили.

Долго Коромыслов соображал, а потом вспомнил что деревня его неподалеку от поля Бородинского стоит; а ребята эти никак с реконструкции, тоже искупаться пришли.

Азбука

Жили в нашем дачном поселке два приятеля. Отставной полковник Валентин Михайлович Степанцев и бывший летчик Николай Петрович Дядькин.

Степанцев, бывало, выкатит пузо на крыльцо, оглядится украдкой; затем достанет из нагрудного кармашка расческу и давай волосы на затылке поправлять. В тоже время на крыльце одного из соседних домов стоял Дядькин и проводил точно такой же ритуал.

Все дело в том, что приятели были большими любителями поболтать за бутылочкой другой и между делом поиграть в шашки. Их жены, зная, чем кончаются подобные застолья, оставаться наедине им запрещали. Тогда хитрые приятели выдумали свою «семафорную азбуку». Красная расческа – жена дома – приходиться нельзя. Белая – путь свободен.

Степанцев современной техники, навроде мобильных телефонов, сторонился, а для таких ответственных дел и вовсе всерьез не воспринимал; а Дядькин мобилника не имел оттого, что пальцы у него были толстые как сардельки.

Степанцев просигналил красным, Дядькин ответил белым. Степанцев осторожно прошелся огородами, и скоро добрался до дома приятеля. Стол уже был накрыт. На нем повоенному опрятно, как войско на параде, лежали доска с шашками, бутылка водки на бруньках, два стакана и бутербродики с колбасой.

Выпили. Разговорились.

– Ну, Николай Петрович, все-таки жена у тебя... Кому хошь даст прикурить!

– И не говори, – грустно ответил Дядькин, – в баню соберешься, сначала обыщет с ног до головы, только потом отпускает. А бывает и веник обнюхает для надежности.

– Суровая, – кивнул Степанцев и разлил по стаканам остатки бутылки.

– Никуда от нее не спрячешься, – продолжил сетовать Дядькин, – сейчас хоть в город поехала. Другой раз сию на

кухне чай пью, а она из-за двери за мной подглядывает, будто я без этого дела и дня не проживу, – проворчал он и щелкнул по горлышку бутылки.

– Ну дела! Ты еще скажи, что она в том шкафу сидит, за нами подглядывает! – махнул Степанцев на большущий платяной шкаф у стены.

– А то и сидит!

– Болтай! – рассмеялся Степанцев и с маху осушил стакан.

– Точно говорю, сидит, – шутливо заговорил уже порядочно захмелевший Дядькин, затем схватил стакан и поднялся со стула, – давай-ка проверим, – сказал он и игриво подмигнул.

Степанцев расхохотался от души и за живот схватился.

Подошел Дядькин к шкафу, открывает, а там и впрямь его жена на табуретке сидит и посапывает.

– Ну дела! – изумился Степанцев и еще хлеще в смех.

Дядькин вмиг помрачнел, аккуратно закрыл шкаф и бесшумно попятился назад. Дверцы шкафа вновь распахнулись и первым что увидел Дядькин это сердитый взгляд жены, прикованный к стакану в его руке.

– Не померещилось, – тихо пролепетал Дядькин, заискивающе улыбнулся жене и спрятал руку со стаканом за спину.

Он и не догадывался что жена давно разгадала тайную азбуку и искала удобный случай его обличить. Сказала, что в город поедет, а сама в шкафу в засаду села; да только сил не рассчитала и уснула пока через щелочку следила.

После того случая приятели все-таки перешли на мобильники.

Мустанг

В студенческие годы каникулы я проводил на даче с друзьями. Ночами мы большой компанией сидели у костра, где-нибудь поближе к лесу и с шумом выпивали. Если денег на выпивку не было, то мирно болтали или играли в карты.

В одну из таких безденежных ночей, пока приятели грелись у костра, я лежал на травке и задумчиво глядел на звезды. Вдруг заметил, как одна звездочка упала и поспешил загадать желание. Хотелось в тот момент только одного: хоть немного разбавить нахлынувшую скуку.

Не прошло и минуты как за деревьями послышался шелест.

«Все-таки есть там на небе кто за нами приглядывает...» – подумал я, заметив, как из темноты показался приземистый плечистый силуэт с бутылкой в руке. Это был наш приятель Сашка.

– Ребятушки мои, дело есть! – весело начал он, подходя к костру, – пару человек нужно, один не справлюсь. Вставай, сбегает по-быстрому! – приказал он и пнул приятеля, безмятежно лежащего на травке.

– Не нарушай тишину, – недовольно отозвался тот.

– Чего стряслось то? – вмешался я.

– Мустанг в колее застрял, надо бы толкнуть. Тут неподалеку, – махнул Сашка рукой в темноту, – давай, давай, пойдем! Минут за двадцать управимся.

Сашка вынул сигарету из помятой пачки, присел на корточки и, достав из костра веточку с угольком, прикурил.

Я заметил, что Сашка с ног до головы был вымазан в грязи.

– Ну тебя, – отмахнулся я, – утром сходим. Никуда твой Мустанг за ночь не денется, – лучше показывай, чего там у тебя такое блестит.

Остальные меня поддержали и накинулись на принесенную Сашкой бутылку. Сашка обиделся на наше равнодушие, почти не пил и до конца ночи был немногословен.

На рассвете мы потихоньку разбрелись по домам.

* * *

Уже часам к девяти ко мне явился Сашка с отрядом добровольцев. Я сонный едва выспавшийся нехотя оделся и вместе с остальными отправился спасать знаменитый на всю округу Мустанг.

Этим именем, в честь одичавшей домашней лошади, Сашка нарек свой старый насквозь ржавый и гнилой «Запорожец», купленный за тысячу рублей у какого-то деда из соседней деревни. Из обещанной суммы дед получил аванс в триста рублей и две бутылки пива. Тот еще долго надеялся

получить остальное пока все же не отчаялся и радовался хотя бы тому, что избавился от этого бесполезного хлама на колесах.

Сашка был талантливым автослесарем и разбирался в подобной технике как физик-ядерщик в атомном реакторе. Автомобиль, на который все давно махнули рукой, он с легкостью отремонтировал, а затем с такой же легкостью и профессионализмом обмыл.

Цвета Мустанг получился в основном красного, вперемешку с черным, зеленым и другими какие нашлись в гараже при ремонте. Даже новенький – только с завода «Запорожец» отличался изрядным шумом; а Мустанг тот и вовсе ревел как разъяренный зверь и при этом выпускал из выхлопной трубы клубы едкого черного дыма. Дачники за такие особенности невзлюбили его с первых дней и грозили сдать в металлолом.

* * *

В ту ночь Сашка, как и я скучал. Его почти не было заметно, помню только как он сел за руль Мустанга и умчал, даже не попрощавшись. Как рассказывал Сашка, поехал он в магазин – до ближайшего круглосуточного пара километров по шоссе. Денег едва хватило на бутылку клюквенной настойки и пачку самых дешевых сигарет. На обратном пути он заметил, что его преследует серебристый «Форд» ДПС – не самая приятная встреча для тех, у кого нет документов на

машину. Сашка понадеялся, что он для них добыча неприбыльная и тормозить его не станут. Но Мустанг был настолько приметен что проехать мимо было невозможно. Завопила сирена, на крыше «Форда» замигали красно-синие огни и в громкоговоритель раздались настойчивые просьбы прижаться к обочине. Сашка не растерялся и поддал газу, выжимая из Мустанга все силы. Сопротивляться мощному «Форду» тот долго не мог, потому Сашка при первой возможности свернул с шоссе на проселочную. Фары у Мустанга не горели – Сашка ехал почти вслепую, виднелись только неработающие фонарные столбы и слабые очертания каких-то сараев. Метров через сто Мустанг застрял. Вой сирены стремительно приближался – Сашка выбежал из машины и бросился наутек. Он укрылся в темноте и наблюдал. «Форд» остановился неподалеку, из салона вышли двое полицейских. Они подошли к Мустангу, походили вокруг, заглянули внутрь; и видимо поняв, что дело того не стоит, вернулись к «Форду» и уехали. Сашка тут же вернулся к Мустангу. Вытолкнуть его не удалось, тогда-то Сашка и отправился к нам за подмогой.

* * *

Когда мы дошли до той самой проселочной, стало ясно что это территория полузаброшенной фермы. Дороги там считай не было – шли мы по вязкому размокшему чернозему мимо кирпичных коровников с провалившимися крышами.

Навстречу проковылял пастух и, не обращая на нас внимания, повел куда-то несколько черных буренок.

Мустанг нашелся неподалеку. Мы остановились метрах в десяти от него, не решаясь пройти дальше – чернозема было уже по щиколотку. Присели на корточки на более-менее твердом островке и наблюдали как Сашка, чуть ли не по колени в черной жиже, отчаянно толкает Мустанг. За ночь тот погрузился в нее настолько глубоко что колес уже почти не было видно. Помимо того чего в ней было больше навоза или грязи, нас мучал вопрос как полицейские в своей чистенькой казенной одежде и ботиночках отважились пройти через такое дремучее болото.

Сашка тем временем не оставлял попыток и, глядя как мы безучастно прохлаждаемся, полоскал нас последними словами.

Мы сколько могли сдерживали смех, чтобы не обижать старого друга. Но все же не выдержали и уже хохотали до боли в животе, приправляя все его действия грубыми остротами.

Сашка скоро понял – дело безнадежно. Он в последний раз посмотрел на нас с упреком, закурил, и молча ушел; а минут через двадцать вернулся повеселевший. Вместе с ним прибыла настоящая команда спасателей: тракторист и трактор с лебедкой.

Грязь отпустила пленника не сразу – только после нескольких сильных рывков; порой казалось, что даже гроз-

ный трактор тут бессилён, но все обошлось. Тракториста сердечно поблагодарили, а за мужество и отвагу пообещали две бутылки водки. Одну Сашка отдал сразу; вторую сказал, завтра занесет. Тракторист долго сомневался, крутил носом; но все же сдался, понадеявшись на честное слово.

Сашка немного поколдовал с Мустангом и тот завелся. Желаящие проехаться с ветерком сели в салон, остальные побрели пешком.

* * *

Пару недель спустя рано утром за мной зашел Сашка. Подавленный и грустный как никогда.

– Собирайся, пошли, – кратко сказал он.

Я не стал расспрашивать подробностей и до конца пути мы шли почти молча. Там нас ждала причина Сашкиной печали. Посреди нашей деревни на обочине, покрытой пеплом и черной сажой, стоял сгоревший Мустанг. От него остался лишь ржавый скелет.

Оказалось, ночью кончился бензин – Мустанг пришлось оставить. Сашка пошел спать, не подозревая, что его мотору больше не суждено завестись. Это для Сашки его рев был нежной музыкой, а для дачников нестерпимым проклятием. Для кого-то из них та ночь стала последней каплей. Мустанг облили бензином и безжалостно казнили.

Мы скрутили ценную проводку, уцелевшую в пламени;

сдали в пункт приема цветмета, а на вырученные деньги помянули железного друга. Сашка пил и горевал. У многих наших ребят уже тогда были свои автомобили, у кого-то даже дорогие иномарки; а Сашка, будучи парнем небогатым, ходил пешком, что для любого поклонника лихой езды обидно и мучительно. Сашка не гнушался даже старого «Запорожца», а теперь и того не было.

Вскоре Мустанг занял почетное место в овраге за деревней, ставшим с тех пор последним пристанищем для многих ему подобных.

Народный суд

Люблю после обеда чайку попить. В офисе кухня небольшая, но уютная. Захожу как-то, а там... Заседание народного суда, по-другому не назовешь. Во главе стола судья: симпатичная женщина, с бухгалтерии кажется, а вокруг не менее приятные девушки-присяжные.

Наливаю чаю, стою слушаю.

– Ну, Ларка! – решительно объявляет судья, – к другому мужику ушла, а ребенка бросила! Судить таких мало!

– Да, – хором отвечают присяжные, – мало!

– А еще добренькой прикидывалась, ходила улыбалась всем, – продолжает судья, – а какой стервой оказалась!

– Точно, – соглашаются присяжные, – стерва и есть.

– А бывший то ее, – не унимается судья, – тихий спокой-

ный, где еще такого найти?

– Не найти, – кивают присяжные.

«Во дают!» – думаю. «За глаза своей же коллеге кости перемальвают».

«Лара, Лара...» – задумываюсь, но кто такая не вспоминается.

– Это из какого ж отдела? – спрашиваю.

Все вдруг затихают и смотрят на меня с удивлением будто только заметили.

– Кто? – уточняет судья.

– Лара ваша, – отвечаю, – из бухгалтерии что ли?

– Да не из какого отдела... – отмахивается судья и возвращается к присяжным, – ну я б ее! – твердо заявляет она и заседание оживляется.

Постоял еще немного, послушал.

Оказалось, обсуждали они очередную серию какого-то сериала, и что называется увлеклись. Вскоре заседание объявили закрытым, а следующее назначили на понедельник в тоже время. Наверно тоже приду послушать...

Привередливый дух

Штанскому Евгению – невысокому блондину лет сорока пяти, от прабабки – сибирской шаманки, досталось умение отделять дух от тела. Время от времени он пользовался своим даром: то бесплатно на концерт сходить; то подшутить

на кем-нибудь; то за женой последить, где та после работы гуляет. Но, бывало, случались и неприятности.

Как-то раз, пока Штанский задарма смотрел фильмы в кинотеатре, вернулась жена с работы да только слишком рано. Увидела на кровати его бездыханное тело и вызвала скорую. Врачи констатировали смерть и отвезли в морг.

Вечером Штанский вернулся домой; тела нет, жена в слезах, на столе его фотография с черной ленточкой. Жена о его даре не знала и даже в такой трагический момент он не стал о нем рассказывать. Для начала он решил вернуть тело, а там как-нибудь само все успокоится. По бумагам, оставленными врачами, он узнал адрес куда его увезли.

Штанский добрался до больницы и проник в секционную морга. Внутри, вопреки расхожему мнению о подобных местах, оказалось довольно светло и чисто: не страшней чем у стоматолога. Вдоль стены теснились стеклянные шкафчики, набитые медицинской утварью; на кафельном полу в ряд стояли столы с телами, накрытыми белыми простынями; у раковины что-то насвистывал немолодой врач с интеллигентной бородкой и тщательно намывал руки.

По ноге, торчащей из-под простыни, Штанский опознал свое тело. Отчего так, выходило, он понятия не имел, но всякий раз перед тем как вселится обратно, его дух становился чуть видимым навроде призрака. В тот момент, когда Штанский проявился, врач его заметил. Тот оказался не из пугливых: посмотрел на него брезгливо как на таракана, ворвав-

шегося на кухню; спокойно вытер полотенцем руки и подошел. Штанский уже вернулся в тело, сбросил покрывало и уселся, свесив ноги.

– Вы что же это, живой? – невозмутимо спросил врач, да же с некоторым упреком.

– Как видишь, – ответил Штанский и для верности пошевелил пальцами на ногах.

– Нет уж! Вы, пожалуйста, обратно вылезайте, – возмутился врач, – по бумагам вы, простите, больше не человек – уже и номер вместо имени присвоили. Мне еще вскрывать.

– Так черкни, что ошибка вышла! Хотя... – задумался Штанский, глядя на свое дряблое уже немолодое тело, – может кого другого возьму? Какие тут у вас посвежее?

– Всякие есть, – спокойно ответил врач и могло бы даже показаться что не без гордости.

– Ну посоветуй, кого поинтересней.

– Дворника утром привезли. Печень.

– Не, – поморщился Штанский, – как-то мелковато.

– Депутата городской думы прошлой ночью доставили.

Сердечный приступ.

– Не, – брезгливо отмахнулся Штанский, – предложишь тоже, подбери кого поприличней.

– Актер есть.

– Известный? – приободрился Штанский, – где снимался?

– В рекламе вроде бы или в сериале, – задумался врач, – лицо знакомое, а вспомнить не могу.

– Вспоминай. В кино может видел?

– Не помню.

– Ладно, а то может совсем без таланта достанется, – поморщился Штанский, – спортсмен может какой есть?

– Пятеро футболистов третий день лежат. Массовое отравление. Приличных нету.

Штанский разочарованно покачал головой.

– Уж извините, всех хороших родственники разобрали, – отметил врач.

– Да, – совсем огорчился Штанский, – небогатый у вас ассортимент.

– Так не на рынке. Чего ж вы хотели?

– Уж придется собою остаться, а то подсунете кого... а у него биография в пятнах.

– Вот это правильно! – поучительно проговорил врач, – новое тело, боюсь, ни счастья, ни мозгов не добавит. Сами то, кем будете? – ехидно спросил он.

– Да навроде тебя. Тоже черт знает где копаюсь: сантехник я. Так что считай коллеги мы с тобой.

– Что есть то есть, – грустно выдохнул врач.

– Ладно, – проговорил Штанский и слез со стола, – засиделся я у тебя, а дома жена рыдает.

– Одежду не забудьте. Санитары выдадут.

У двери Штанский повернулся к врачу, улыбнулся и кинул на прощанье:

– Профессии то у нас схожие, а вот зарплатка у меня по-

больше будет!

В парикмахерской

Невысокий полноватый бородач Гришка Тучин после того, как его постригли в парикмахерской, устроил скандал. Пришлось даже управляющую вызвать.

– Что случилось? – мягко проговорила управляющая – немолодая дама в броском обтягивающем платье.

– Клиент платить отказывается, – проворчала ей парикмахерша – симпатичная девчушка в черном фартуке.

– Я не отказываюсь, – отозвался Тучин, – просто не желаю платить всю сумму.

– В чем причина? – удивилась управляющая.

– Он утверждает, что у него, видите ли, голова в два раза меньше, чем у соседа, а тот за стрижку платит столько же, – вскипела парикмахерша.

– Все так, – гордо подтвердил Тучин и победоносно скрестил руки на груди. Он прекрасно знал цену деньгам и всякий раз угадывал, когда его пытаются обдурить.

– Так-то оно так, только не зависит стоимость стрижки от размера головы! Что вы тут глупости придумываете? – насупилась парикмахерша.

– Который сосед? – спокойно спросила управляющая.

– Помните утром приходил? – ответила парикмахерша.

– Брюнет, – кивнула управляющая, – все ясно, присядьте

в кресло, – любезно предложила она Тучину.

– Это еще зачем? – недоверчиво спросил он.

– Будем разбираться, – угодливо проговорила управляющая.

Тучин сел и внимательно следил за управляющей в отражении зеркала. Та встала сзади и пальцами нежно провела по его волосам. Повертела его голову, поизучала как дыню перед покупкой, ощупала уши, измерила ладонью лоб и наконец выдала заключение:

– Голова у вас и впрямь маленькая, неформатная. Волосы хорошие, плотность высокая, а у соседа вашего плешь на всю макушку. Уши у вас, конечно, крупноватые, – аккуратно, стараясь не обидеть, заметила она, – обзор закрывают и стричь за ними неудобно. Технически сложная работа, – какая цена в итоге вышла? – спросила она у парикмахерши.

– Классика, без мытья, – отозвалась парикмахерша.

– Да, – грустно проговорила управляющая и аккуратно поправила челку на голове Тучина, – действительно ошибочка вышла.

Тучин обернулся и самодовольно улыбнулся парикмахерше.

– Тут на триста рублей дороже, – продолжила управляющая, – очень сложный случай. Но для нас вы любимый клиент, мы вам скидочку сделаем.

Тучин задумался. Мысленно произвел все нужные вычисления, учел скидку и пришел к выводу что сделка вполне се-

бе выгодная.

Он заплатил за стрижку всю сумму и довольный собой пошел домой.

Удача!

Васька Кругликов страсть как любил приврать и считал, что равных в этом деле не имеет. Делал он это и впрямь умеючи – всякий раз его хитрое остроносое лицо при этом оставалось абсолютно невозмутимым да так что все ему верили.

Как-то натрепал жене что выиграл в лотерею миллион; выигрыш тратить не станет, а на благотворительность пустит. Завтра из фонда за деньгами придут. Жена ему: «Какая еще благотворительность, когда у нас самих плитка в ванне треснула, холодильник шумит как одержимый, а на балконе вместо стекла пакет полиэтиленовый. И вообще, я жена твоя и по закону мне половина с выигрыша положена». Васька ни в какую, говорит: «Не могу пока где-то люди нуждаются, с миллионом в кармане сидеть».

Жена обиделась и говорить с ним перестала.

Следующим утром Васька пошел в магазин за продуктами. Возвращается – в гостиной погром. На стуле жена сидит и палец бинтом перевязывает; на полу телевизор, придавленный шкафом; кругом книги, чашки фарфоровые, осколки сервиза хрустального; карниз на окне оторван и вместе со шторой на полу валяется.

Васька жене: «Ты чего, дура, натворила? Телевизор расколотила, разорительница!

Та поплакалась и во всем призналась. Искала она деньги. Всю квартиру перерыла да не нашла. Осталось только на шкафу посмотреть. Встала на стул, поднялась на мыски и пока рукой там рыскала, стул под ней зашатался. Чувствуя, что вот-вот упадет, ухватилась за дверцу шкафа, тот качнулся и заваливаться стал. Жена в последний момент ухватилась за карниз и спрыгнула на пол. Всё зашумело, затрещало и с грохотом вниз повалилось.

Когда пыль улеглась, жена за уборку взялась и пока осколки собирала палец порезала.

Васька отругал жену за глупость и думает теперь, где ему помимо плитки с холодильником денег еще и на новый телевизор достать.